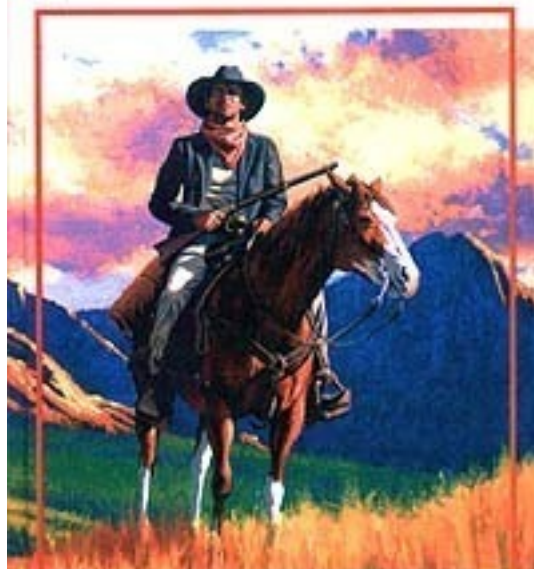

 ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
ЗОЛОТАЯ МОЛНИЯ

Макс Брэнд

Бандит с Черных Холмов

«Центрполиграф»

Брэнд М.

Бандит с Черных Холмов / М. Брэнд — «Центрполиграф»,

В «Бандите с Черных Холмов» преступник и убийца по кличке Герцог возвращается после долгого отсутствия в городок Биг-Бенд, жители которого замерли в страхе перед грядущими событиями. И событий самого бурного характера недолго приходится ждать...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Макс Брэнд

Бандит с Черных Холмов

Глава 1

Возвращение в Уилер-сити

Как только разнесся слух, что возвращается Герцог, в Уилер-Сити со всех сторон начал стекаться народ. Из Северной Монтаны прибыл Чарли Барр. Почти одновременно с ним приехал из Нью-Мексико старина Минтер. Билл Громобой, герой Биг-Бенда, сошел с поезда как раз вовремя, чтобы пожать руку Гарри Мэтьюзу из Споканы. Эти четверо были самыми знаменитыми из всех, прибывших в городок. Остальные явились один за другим, без объявления и предупреждений. Но всех этих мрачных парней с пистолетами наготове объединяла одна священная цель – избавить землю от жуткой напасти, какой слыл Герцог.

В Уилер-Сити начались бессонные ночи. Нет, конечно, никто не объявлял о своих намерениях в полночный час с крыши дома. До этого дело не дошло, потому что в большинстве своем местные жители были людьми спокойными, рассудительными и уравновешенными, и они считали, что для такой серьезной миссии лишний шум будет только помехой. Более того, люди нуждались в спокойствии, чтобы подготовить нервы и мозги к внезапному испытанию. Но напряжение было столь большим, что оно-то и не давало спать.

В результате на городок опустилась страшная тишина. Даже днем все старались не шуметь, не топтать ногами при ходьбе по улицам. Когда Сэм Куртин, огромный мясник, пришел поболтать к старому Джейку Диланду, владельцу гостиницы, то говорил с ним шепотом, постоянно оглядываясь через плечо.

Что же думал по этому поводу шериф? Том Онион был мудрым стариком. Его хитрость почиталась далеко за пределами Уилер-Сити.

Конечно же боязливые горожане обратились к нему за советом, спрашивая, что он собирается предпринять. Шериф в свою очередь поинтересовался у горожан, что, по их мнению, он должен делать. А когда кто-то из них предположил, что если просто сидеть сложа руки, то по возвращении Герцога в городе непременно произойдет убийство, Том Онион с этим легко согласился и порекомендовал слово «убийство» употреблять во множественном числе. Мол, без жертв не обойтись.

Его нельзя было упрекнуть в отсутствии логики, но такое отношение к грядущей беде могло показаться более чем странным. Шерифы, в принципе, существуют именно для того, чтобы предотвращать преступления, а Том Онион, судя по всему, уклонялся от своих прямых обязанностей. Однако этому беспокойству противостояли десять лет его бесстрашной и прилежной службы на благо общества. Что бы он там ни говорил, действовать он будет смело и энергично!

Пояснив свою позицию окружающим, шериф заявил просто и кратко: Герцог – убийца. Мы все так считаем. Чем дольше он проживет, тем больше убьет людей. У него к этому нездоровая страсть. Поэтому рано или поздно от него необходимо избавиться ради общей безопасности. Я лично был бы рад встретиться один на один с этим прославленным драчуном, но не могу не выразить своей признательности по поводу поддержки в этом деле. Здесь собрались самые выдающиеся стрелки боевого Запада. О чем еще можно мечтать? Все собравшиеся понимают, что когда-нибудь Герцог все равно будет вычеркнут из списка живущих, так сказать, стерт с лица земли. В связи с этим присутствующие жаждут выполнить свой долг. Если один

из них встретит бандита, произойдет взрыв. Да, конечно, он только что вышел из тюрьмы и сейчас чист перед законом, но мы-то все знаем, что это утверждение весьма и весьма спорное.

Так рассуждал хитрый шериф. И с ним согласился не один житель Уилер-Сити. Все были единодушны: коли преступник возвращается, его надо встретить у ворот родного городка с хорошо смазанными пистолетами и действовать решительно.

Ну а что же сам Герцог?

Он выпрыгнул из товарного вагона, когда поезд замедлил ход на крутом склоне холма в трех милях от Уилер-Сити. Отсюда предстояло идти пешком. Только вот почему ему, от души ненавидящему любое физическое усилие, а ходьбу тем более, вдруг взбрело в голову войти в городок на своих двоих?

Дело в том, что у него возникло нехорошее предчувствие, и он решил явиться в Уилер-Сити без фанфар и с черного хода. Герцог не направился к центру, несмотря на то, что всем сердцем желал увидеть эти места после трехлетнего отсутствия. Его путь пролегал по задворкам. И при этом он слышал все, что говорилось у окон и открытых дверей. То там, то здесь его уши улавливали обрывки разговоров и куски фраз, из которых непревзойденный челнок подозрений постепенно выткал прочное полотно. Через полчаса Герцог уже знал, что Уилер-Сити набит вооруженными людьми, готовыми пристрелить его при первой же встрече.

Собрав необходимую информацию, виновник всеобщего возбуждения затаился в темном углу у высокого забора, укрывшего его тенью с трех сторон. Здесь он скрутил сигарку и закурил. Да, врагам стоило бы сейчас оказаться рядом, чтобы внимательно посмотреть на его лицо. Герцог улыбался! Это бросилось бы им в глаза прежде всего.

Он всегда славился своей улыбкой. И тюрьма не изменила ее. Она стерла загар, подпортила чистый, здоровый цвет кожи. Его лицо побелело как мел, и прямые черные брови стали заметнее. Они сходились на переносице, напоминая щедрый мазок сажей через лоб. А под этими бровями то вспыхивали, то снова гасли глаза, напоминая прикручиваемый время от времени фонарь.

Любой из молодых жителей Уилер-Сити непременно заметил бы, что Герцог не утратил своей красоты, в то время как любой из стариков сказал бы, что три года исправительных работ не придали ему затравленный вид. Его дух остался несломленным, чего, впрочем, и следовало ожидать. Ведь срок ему скостили. И не просто так, а благодаря хорошему поведению.

Хорошее поведение Герцога! Вряд ли где-то знали этого бандита так же хорошо, как в Уилер-Сити. И скорее всего, никто даже не догадывался, что городок приходил в ужас именно от его улыбки, а вовсе не от нахмуренных бровей.

Герцог докурил сигарету. Затем бросил окурочек, тщательно раздавил его пяткой, поднялся и потянулся, расправив каждый мускул своего немаленького и нехрупкого тела. Так встает кот, дремавший весь вечер у очага, – потягивается, убеждаясь в своей силе, и неслышными шагами ускользает в ночь на охоту. И так же, как кот, показывающий когти из мягких шелковых подушечек, Герцог выхватил из кобуры свой шестизарядный, взвесил его в длинных пальцах и снова спрятал.

После этого направился прямо к дому шерифа. Он шел туда, потому что никто в городе не ожидал встретить его именно там, а значит, это место было самым безопасным. Кроме того, Герцог больше всего на свете любил неожиданности.

Быстрый осмотр через окна убедил Герцога, что шерифа дома нет. Его жена и две дочери готовили на кухне ужин. Поэтому Герцог направился к веранде и открыл окно кабинета. Забравшись внутрь, уселся в удобное кресло в углу у стеллажа с папками, положил руки на колени, прислонил голову к стене и закрыл глаза. Жизненный опыт научил его – если ты закрыл глаза в кромешной тьме, то остальные органы чувств будут работать гораздо лучше. Кроме того, ему хотелось подумать.

Перед его мысленным взором быстро промчалась вся жизнь. Начиная со времени, когда он был безымянным беспризорным восьмилетним найденышем и зарабатывал на жизнь любимыми подсобными работами. Так и существовал до тех пор, пока в раннем отрочестве не открыл для себя две вещи: первое – работа смертельно отвратительная штука; и второе – Бог наградил его кое-какими способностями гораздо щедрее, нежели остальных. Увы, подобное открытие всегда опасно, а в детстве – тройне. Поэтому в свои зеленые четырнадцать Герцог заработал уже и кличку и репутацию. Прозвище получил благодаря беззаботному презрению к самым страшным головорезам на выгоне для скота, где любили собираться грозные и свободлюбивые парни. Ну а репутация была следствием непревзойденного умения владеть пистолетом.

Нельзя сказать, что юный Герцог выставлял напоказ свое дарование, хвастал им или же оттачивал постоянными упражнениями. Однако, когда он выхватывал пистолет, казалось, что дуло и цель соединяет туго натянутая струна. Одни рождаются быстроногими, другие – с обостренным вкусом к кислому или сладкому, а вот Герцог родился с метким глазом и железными нервами. Не стоит пыжиться от тщеславия, если тебе достались подобные врожденные дарования, как если бы ты случайно нашел золотую жилу. Но если уж напал на золото, то надо его добыть и потратить, поэтому Герцог отнюдь не гнушался применять свои способности на практике.

Последовали три года опасных приключений и дикой жизни. Он скитался от Аляски до Мехико-Сити, но куда бы ни попадал, его пребывание там продолжалось не более, чем требовалось, чтобы заработать славу человека, которого стоит избегать. И вновь он отправлялся на свежие пастбища, пытаясь найти новых, еще ничего о нем не знающих врагов и противников. Нет, он не страдал маниакальным пристрастием к стрельбе. Если дело доходило до кулаков, то и тут не пасовал, поскольку в шестнадцать уже обладал силой взрослого мужчины и природным проворством дикой кошки. Свою семнадцатую зиму этот бродяга встретил в поселке лесорубов в Канаде и прошел неплохую школу потасовок. А следующую весну и лето посвятил таинственной профессии, азы которой уже освоил, – владению ножом.

Где бы Герцог ни появлялся и что бы ни творил, все ему сходило с рук. Потому что он был «всего лишь мальчишкой». И если мальчишка желал подраться со взрослым мужчиной, то мужчина сам виноват, что заработал при этом кое-какие проблемы со здоровьем. Никакой суд не мог обвинить юного задиру.

В восемнадцать, однако, произошла внезапная перемена. Два года, как наш герой достиг полного роста – шести футов и одного дюйма, затем стал шириться в плечах и набирать полную силу. В семнадцать выглядел на девятнадцать, а то и на двадцать. В восемнадцать же, менее года спустя, ему стали давать все двадцать четыре.

А на Западе в двадцать четыре ты уже превращаешься в мужчину. Герцог обнаружил это в Нью-Мексико, когда поспорил с тремя дюжими мексиканцами и разрешил спор с помощью пистолета. Не важно, что потом он предлагал оплатить похороны одного и больничные счета двух остальных. Его посадили за решетку. Неделю он провел на хлебе и воде, затем шериф, довольно мягкий человек, пришел к нему и сказал, что считает возможным оценить его действия как самозащиту, но присяжные, скорее всего, решат его повесить, а поэтому лучший выход – убираться подобру-поздорову. Юному дарованию пришлось сделать подкоп и сбежать.

Следующий урок ему преподали в штате Вашингтон. Однажды вечером, немного поупражнявшись, он вдруг заметил, что за ним гонится по пятам все взрослое мужское население городка. Герцогу удалось загладить вину, поймав вора и убийцу Николо Баччиджалупи, более известного под жуткой кличкой Черный Ник. Он нашел Черного Ника, вызвал его на поединок, метким выстрелом выбил из руки противника пистолет и привел раненого пленника в город. За этот подвиг ему простили увечья, нанесенные два дня назад, и отпустили на все четыре стороны.

После первых двух осечек Герцог наконец начал понимать, что мир стал смотреть на него другими глазами. Увы, иногда увидеть опасность проще, нежели ее избежать. А для этого парня опасность была хлебом насущным. Он не мог жить без приключений. Больше трех лет только и делал, что задирался.

Всех деяний Герцога в возрасте восемнадцати лет хватило бы на несколько книг. Но в конце концов во время короткой экскурсии в Уилер-Сити он увидел милое личико Линды Мюррей. С этого момента наш герой решил, что Уилер-Сити станет его домом в полном смысле этого слова. Он здесь осядет. И не будет больше зарабатывать деньги за карточным столом, будет честно работать, получать честно заработанные деньги, копить их и в конце концов построит для Линды домик. И все шло гладко. Нагл восемнадцатилетний герой просто свел с ума девушку – аромат странных подвигов и чужих краев сделал свое дело. Не важно, что она была на год или два старше его. Все шло хорошо.

Но затем настала очередная суббота и очередная поездка с ранчо старика Картера, где Герцог работал, в город, встреча со Спрингером, обмен жестами и резкими словами, перестрелка...

Мысли Герцога растворились в воздухе. Парадная дверь дома шерифа распахнулась, в прихожей раздались шаги.

Глава 2

Сумасшедший преследует Гаффри

Все получилось довольно глупо. Он планировал встретить шерифа один на один. Но столкновение с двумя мужчинами, настроенными на стрельбу и не желающими слушать объяснений, почему он сидит здесь в темной комнате, – совсем другое дело. Наверное, следовало ускользнуть через окно, но если, открыв дверь, они увидят силуэт мужчины, то хорошая порция свинца будет ему обеспечена. Поэтому Герцог встал с кресла и забился в угол за картотечкой, предварительно проверив револьвер. Оставалось только ждать.

Дверь кабинета открылась. Раздались голоса и смолкли сразу же после того, как говорившие вошли в темноту. Затем чиркнула спичка, и Герцог увидел бледное пятно света на потолке, испещренном сетью трещин и щелей. Затем зажглась лампа, и когда ее пламя перестало мигать, ему показалось, что комнату залил яркий полуденный свет. Где же они сядут? Впрочем, все равно один из них его заметит. И будет взрыв. Но...

– Я не собираюсь садиться, – раздался незнакомый голос.

– Ну хорошо, мистер Гаффри. Если у вас нет времени...

– Мне надо вернуться на ранчо сегодня вечером.

– Сегодня вечером?

– Да, сэр.

– Вы собираетесь сделать тридцать миль на повозке по этим дорогам, да еще ночью?

– Если лошади выдержат, то я и подавно, шериф Онион.

– Что ж, это ваше дело, мистер Гаффри.

– Не совсем мое. Иначе меня бы здесь не было. Я знаю только, что какой-то мерзавец с Черных Холмов последние два года использует мое ранчо как нечто вроде лавки с бесплатным товаром. Когда же мне надоело постоянное воровство из конюшни и чулана и я послал моих ковбоев по следу вора, то едва не лишился жизни!

– Дьявол! – хмыкнул шериф.

– Мягко сказано.

– Я слышал болтовню о человеке с Черных Холмов. Да, все знают о нем. И у меня есть этому объяснение.

– Знаю! – нетерпеливо прервал Гаффри. – Вы утверждаете, что в Черных Холмах никто не живет, лишь иногда останавливаются путники и бродяги, путешествующие по стране, а воруют у меня на ранчо просто потому, что оно единственное в округе. Вы говорили мне об этом.

– И сейчас скажу то же самое. И скажу, откуда я это знаю. Если бы в Черных Холмах жил хоть один человек, я бы нашел его следы. Однако я устраивал тщательные поиски четыре раза и ничего не обнаружил.

– Это ни о чем не говорит.

Шериф вспыхнул. Он был признанным следопытом.

– Может, это говорит не о многом. Но я провел в Черных Холмах целый месяц, обрыскал их, обследовал буквально под микроскопом, но не нашел ни единого признака человека. Ни единого следа постоянно живущего там. И еще, Гаффри. Если бы он действительно обитал в Черных Холмах, то вряд ли бы удержался от набегов на Уилер-Сити и другие близлежащие городки.

Гаффри заворчал:

– Я ничего не знаю об этом. Единственное, что могу сказать, – мое ранчо обчищает один и тот же парень.

– Есть доказательства? – устало спросил шериф.

- То, как он работает.
- Что?
- И к тому же я его видел!
- Вы видели его два года назад. – Шериф зевнул, явно устав от бессмысленной и упрямой беседы. – Вы напали на след кого-то, укравшего кусок бекона, затем погнались за всадником на пегой лошади. Насколько я помню, вы видели его с расстояния в полумиллю!
- Ближе.
- Но недостаточно близко, чтобы выстрелить.
- Зато достаточно близко, чтобы различить длинные черные волосы и определить возраст. Не более двадцати пяти. Нет, намного моложе.
- Ну хорошо, – согласился шериф, сдерживая усмешку, – вы считаете, что тот же самый парень продолжает свой промысел?
- Именно.
- Чем вы это подтвердите?
- Я видел его вчера с расстояния в сто футов!
- Дьявол! – выдохнул шериф, его безразличие как рукой сняло.
- Хуже дьявола.
- Сто футов?
- Да, и свет падал на его лицо.
- Гафри, это же очень важно. Как он выглядел?
- Как будто совсем не постарел за эти два года. Те же самые длинные темные волосы. Немного старше подростка. Можно сказать, неплохо выглядел. Но хорошо выглядеть еще не значит быть хорошим человеком.
- Да, вы правы. Самым милым мальчиком из всех, кого я видел, был Герцог.
- С Герцогом мне не довелось встречаться, но что касается этой юной горной крысы, то у парня просто дьявольская выдержка. Я расскажу, что произошло. Пару дней назад он попытался сделать набег на мое ранчо, но один из пастухов заметил его, закричал, бросился за ним. Вор помчался назад к Черным Холмам. Мои люди достаточно приблизились к нему, чтобы понять, что он скачет верхом как сам черт, но скоро потеряли его след. Меня все это здорово разозлило; тогда я поговорил с моим племянником Стивом. Мы с ним решили подкараулить воришку. Вчера нам повезло, мы его почти поймали у подножия холмов незадолго до сумерек. О, при ярком солнце мы бы нафаршировали его свинцом и превратили в чучело! Увы, недостаток света не позволил вовремя среагировать, когда этот дьявол пронесся как птица на своей пегой. Увидев, что промахнулись, мы бросились за ним в погоню, но ничего не смогли сделать. Он повернул к холмам и словно растворился в скале. Однако, похоже, наше преследование его разозлило. Вчера ночью парень вернулся и выстрелил в меня через окно. Пуля срезала прядь волос у меня над ухом.
- Убийца! – прорычал шериф. – Необходим закон, разрешающий сжигать таких гадов живьем.
- Я схватил ружье, бросился наружу. Когда я оказался на улице, то увидел этого пса стоящим... где бы вы думали?
- Не имею понятия.
- Прямо у окна дома ковбоев! Поэтому я и рассмотрел его так хорошо. Свет падал на его лицо, а он...
- Но у вас было ружье!
- Да, но я не лучший в мире стрелок, он знал об этом. Пока я поднимал ствол и готовился к выстрелу, он успел скрутить сигарету. Пусть меня повесят, если этот парень не простоял добрую секунду на освещенном участке – возился с сигаретой, а затем просто шагнул за угол.
- Но где же были ваши ковбои?

– Они как раз выскочили из дома, услышав стрельбу, – мои пули попали в стену. Я крикнул им, чтобы они обежали вокруг и поймали этого человека. Но все кричали друг на друга, никто не отреагировал на мои слова. Черт бы побрал этих дураков! Они не сразу сообразили, что надо бежать к лошадям, и начали думать, только когда вскочили в седла. Убийца к тому времени давно исчез. Конечно, мы попытались утром пройти по его следам. Он подъехал прямо к задней стене жилища ковбоев. Здесь спешил, потом прошел к моему окну. Мы добрались до самых Черных Холмов, но в камнях следы затерялись. Вот почему я здесь, шериф! И если не найду у вас защиты, то не позже чем через неделю буду мертвецом.

– Гафри, все это очень подозрительно, и вам действительно нужна защита, – согласился Том Онион. – Я не могу думать обо всем происшедшем без содрогания. Есть лишь одно объяснение – я был не прав. Но имейте в виду: не каждый может выстрелить через окно, а затем стоять и со смехом смотреть, как вы выбегаете на улицу с ружьем.

– Что вы хотите сказать?

– Разве не понятно? Это сумасшедший!

– Сумасшедший, – выдохнул Гафри. – О Боже, шериф, вы правы! Мне не хватит сил вернуться назад и снова встретиться со всем этим.

– Ну а ковбой?

– Они сильно нервничают. Один старик бросил работу, приехал в город вместе со мной. И теперь, когда он рассказал наши последние новости всей округе, я вряд ли найду ему замену.

– Да, вам не повезло, Гафри. А что ваш племянник?

– С ним все в порядке. Стив не знает, что такое страх. Когда-то я тоже отличался крепкими нервами, но с годами они расшатываются. Стив останется со мной, несмотря ни на что. Не дай Бог, чтобы этот сумасшедший убийца перепутал меня с ним! – Голос мужчины задрожал.

– Гафри, – мягко произнес шериф, – мне самому хотелось бы поехать на ваше ранчо, но вы же знаете, мы ожидаем Герцога. Поэтому мне приходится оставаться здесь, на линии огня. Однако я найду вам защиту.

– Чем быстрее, тем лучше, шериф.

– Чем быстрее, тем лучше. Выше голову, Гафри! Быть может, вы больше никогда не увидите эту юную крысу.

Ранчero что-то промычал, затем раздались его тяжелые шаги. Онион закрыл за ним дверь. Проблема, мучившая посетителя, для него уже перестала существовать. Старый шериф так привык к страхам и горестям других людей, что, возвращаясь к столу, что-то уже напевал. И в этот момент Герцог вышел из своего укрытия.

Глава 3

Герцог рассеивает сомнения

Том Онион просто остолбенел. Глаза его закатились, он лихорадочно соображал, кого бояться – человека или призрака. Изрядно побледнев, он наконец произнес с дрожью в голосе:

– Герцог!

– Он самый! – весело подтвердило привидение.

Шериф вздрогнул, собирая остатки мужества, и шагнул вперед с протянутой рукой. Слабая, натянутая улыбка искривила его губы.

– Джон Морроу, что бы люди ни думали о тебе, в глазах закона ты теперь чист. Я рад, что ты вернулся. Надеюсь, будешь вести себя мирно.

Герцог не обратил внимания на протянутую ладонь. В его глазах светились смертельное презрение и спокойное высокомерие, благодаря которым он в свое время получил свое прозвище. Шериф опустил руку и, обеспокоенно нахмурившись, отступил.

– Я ошибаюсь в отношении твоих намерений, Морроу?

Джон улыбнулся, обнажив ровный ряд белоснежных зубов, – похоже, он очень тщательно о них заботился, как и о кончиках пальцев, которыми зарабатывал на жизнь, играя в карты.

– Никаких ошибок, шериф! Я не собираюсь искать новых приключений. Я пришел с миром. – Он немного помолчал, глядя на Ониона. Тот кивнул, сохраняя на лице подобающую случаю серьезность. – Но, несмотря на все мои старания, – продолжил Герцог, – кое-кто в городе собирается потревожить мой сон, а заодно и сон остальных. Не так ли?

Шериф не ответил, якобы занятый сворачиванием самокрутки.

– Садись, – сказал он, когда Герцог отказался от предложенных бумаги и табака.

Гость взял стул и уселся в дальнем углу комнаты. Здесь никто не мог зайти ему за спину или увидеть через окно. Онион наблюдал за его маневрами с острым вниманием. И вдруг, опустившись в кресло, резко спросил:

– Сколько тебе лет, Морроу?

– Меня абсолютно не раздражает прозвище Герцог, – беззаботно рассмеялся парень. – Вам не стоит утруждать себя, называя меня Морроу. А сколько мне лет? Достаточно, чтобы голосовать.

– Это мне и так понятно, – попытался улыбнуться шериф.

– В мае прошлого года стукнуло двадцать один.

Онион на секунду задумался:

– О Боже!

– Нехорошо, шериф, это вы должны были знать.

– Да. Но... Герцог, сколько жизней ты прожил за последние семь лет?

– Вы имеете в виду последние четыре года? Три года в тюрьме я не считаю жизнью.

Его улыбка заставила шерифа побыстрее закурить и отгородиться от собеседника стеной дыма. За таким иллюзорным барьером он почувствовал себя немного лучше.

– Неужели было так плохо? Мне казалось, с тобой обращались достаточно хорошо. Тебе скостили год, не так ли?

– Конечно. Начальник тюрьмы простил меня. Однако за решеткой никогда не бывает хорошо. Общение с камнями не очень веселая штука.

Шериф уселся поудобнее.

– Полагаю, ты прав. Особенно если вспомнить свободу, которую ты имел до этого и которую имеет не всякий. Мне кажется, тебе было очень трудно.

– Эти три года стали для меня тридцатью, – холодно пояснил Герцог. – Вот и все. – Затем наклонился вперед и снял шляпу. – Посмотрите!

Его голова оказалась в пятне света от лампы. Онион с изумлением отшатнулся. Черные волосы Герцога покрылись густым налетом седины, а на ярко освещенном лице стали отчетливо видны морщины. Достаточно, чтобы вздрогнуть от ужаса. Шериф откинулся на спинку кресла, сделал глубокую затяжку и прочистил горло. Разговор начинал действовать ему на нервы. Что Герцог хочет от него? Зачем эта затянувшаяся мягкость? Где его прежние наглые и оскорбительные манеры? Где горящие глаза, язвительная усмешка, резкие слова? Герцог волшебным образом переменялся. Только улыбка осталась прежней – грустной, суровой, медленной.

– Я показал вам это, чтобы вы смогли хоть что-нибудь понять.

– Слушаю тебя, Герцог.

– Я хочу уйти.

– Хм?

– Игра окончена, шериф. Собираюсь начать новую жизнь.

Онион кивнул:

– Надеюсь, что тебе повезет, Герцог.

– Значит, вы не верите мне? Или считаете, что я могу изменить свое решение? Шериф, внутри я изменился еще больше, чем внешне.

– Это действительно так?

Теперь Онион почувствовал себя уверенней и с нескрываемым интересом оглядел собеседника. Неужели лев подстриг когти и вырвал себе зубы?

– Я полностью изменился, – подтвердил Герцог.

– Хочу в это верить. Ты собираешься вернуться на ранчо Картера?

– Сначала мне хотелось бы повидаться с Линдой, – ответил бывший заключенный и улыбнулся. – Да, с Линдой. И она скажет, что мне делать дальше.

Шериф почему-то потер челюсть.

– Ты все еще любишь эту девушку?

– Конечно! – Герцог вдруг вскочил со стула, его голос изменился. – Почему вы спрашиваете об этом?

– Да так, – прошептал старик, будто ему под нос сунули дуло пистолета, – просто так... Мне кажется...

– Приятель, – беззаботность Герцога как рукой сняло, его лицо побледнело от нахлынувших эмоций, – вы ведь хотите мне что-то сказать!

– Ничего, Герцог, – вздохнул несчастный хозяин, терзаемый одновременно жалостью и страхом.

– Нет, вы уж скажите, шериф!

– Ты слишком долго отсутствовал, Герцог.

– И она вышла замуж за другого?!

– Не совсем.

– Значит, обручилась?

Онион кивнул, и Герцог сделал шаг назад, в тень возле стены. Шериф не смог понять, что оказалось более страшным для этого человека – разочарование и жестокий удар по любящему сердцу или же попытка уязвленного тщеславия. Но когда парень опять подошел к столу, по его лицу стало видно, что он полностью себя контролирует. На его губах снова играла привычная, наполовину циничная, наполовину презрительная улыбка.

– Я должен был это знать. Девушка не может скучать целых три года. Кто же ее будущий муж?

Мягкий, успокаивающий голос Герцога не смог скрыть от шерифа надвигающейся опасности.

– А какая разница? Никто не пытался вонзить тебе нож в спину.

– Никто?

Это растянутое короткое слово заставило Ониона содрогнуться, словно кто-то бросил ему за шиворот добрый кусок льда.

– Так уж получилось. Время сильно меняет молодых девушек, Герцог. Кроме того...

– Кроме того, ей вряд ли стоит связывать свою жизнь с тюремной пташкой.

– Этого я не сказал.

– Значит, я прочитал ваши мысли! Итак, кто этот мужчина?

– Герцог, надеюсь, ты не собираешься начать охотиться за ним?

– Чтобы снова вернуться в тюрьму? – Парень странно и невесело рассмеялся. – Я не дурак. С этого момента буду делать только то, что не противоречит закону. О, с меня хватит одного урока! Но я любопытен. Кому же досталась милашка Линда Мюррей?

«Милашка Линда Мюррей» доказывало, что за последние десять секунд Герцог навсегда выбросил из головы все мысли об этой девушке, по крайней мере – связанные с нею надежды. Шериф вздрогнул, представив жестко контролируемую силу воли, обеспечивавшую такой результат.

– Рано или поздно узнаешь. Этого парня ты уже не очень любишь. Будущего мужа Линды зовут Бад Спрингер.

Он обеспокоенно ждал реакции гостя. Но Герцог вдруг от всей души рассмеялся. Этот смех вряд ли был слышен за пределами комнаты, но его сила производила впечатление.

– Вот уж действительно милая шутка! Парень, из-за которого я попал в тюрьму, заполучил мою девушку за время моего отсутствия! – Он снова улыбнулся, но бледность не исчезла с его лица. – Линда, видать, очень любила меня, раз решилась на такое...

– Она чувствовала вину перед Бадом. Ты знаешь...

– Хватит о ней! – сухо оборвал Герцог. – Лошадь тосковала бы по мне гораздо дольше, чем она. И если так легко забыла меня, то и я легко забуду ее. Но хотел бы узнать побольше о комитете по приему гостей, чертовски жадущем вывесить по всему городу плакаты «С возвращением домой, Джон Морроу!».

Шериф не смог сдержать улыбку:

– Да, Герцог, не всех жителей города можно назвать твоими друзьями.

– Пожалуй, это так. Но кое-кто проделал долгий путь для того, чтобы встретить меня. Что все это значит?

– Ты не догадываешься?

– Я абсолютно уверен. Они хотят наградить меня куском свинца, если смогут. Но когда-то они так не беспокоились... – Герцог замолчал, подыскивая слова.

– Когда-то, – продолжил за него Онион, – они боялись с тобой тягаться. Я это знаю. Но пока ты был в далеких краях, ребята практиковались в стрельбе. Мне кажется, они решили, что теперь имеют больше шансов, чем ты.

– Итак, на меня открыт сезон охоты? Значит, они могут схватиться за пистолеты и попытаться подстрелить меня, как только я попадусь им на глаза? И того, кто убьет меня, осыплют благодарностями? Его никто не арестует? Море благодарности со всех сторон!

– В старые времена, – возразил шериф, – ты сам объявил сезон охоты. Неужели хоть раз оглянулся назад, все обдумал и взвесил? Нет, Герцог, ты изо всех сил искал себе приключений и, как правило, находил их. И тебе было безразлично, кто при этом пострадает. Да, когда разнесся слух, что ты выходишь из тюрьмы, все обиженные тобой собрались, чтобы поохотиться на тебя, как на медведя. Билл Громобой, он же Билл Хенкок, приехал с Биг-Бенда. Он считает, что ты нечестно обошелся с его братом, юным Хелом Хенкоком, четыре года назад. Чарли Барр

явился из Монтаны, утверждая, что когда-то давным-давно ты победил его не совсем честно. Ну и множество других отовсюду. Раньше они сидели спокойно. У них не было ни малейшей надежды победить тебя. Но теперь...

– Теперь они считают, что я утратил сноровку?

– Что-то вроде этого.

– Поэтому лезут на рожон и громко кричат?

– Герцог, тебе лучше забыть, что ты когда-то жил в этом городе. Уезжай из Уилер-Сити и держись от него подальше. Здесь у тебя слишком много врагов!

– Уехать и держаться подальше? – пробормотал экс-заключенный. – И как только уеду, все кругом будут знать, что я вывесил белый флаг?

– Бегство от огромной толпы не означает трусливой сдачи.

Герцог выпрямился во весь рост и теперь показался собеседнику настоящим гигантом.

– Я совсем не собираюсь бежать, шериф!

Онион проглотил комок, застрявший в горле, и ничего не сказал. Его пальцы перебирали коробочку с рыболовными крючками. Вдруг гость выхватил коробочку из его рук, прошел через комнату и прикрепил несколько крючков к нижнему краю подоконника. Затем медленно, очень медленно вернулся назад в дальний угол. Встревоженный и обеспокоенный шериф смотрел то на крючки, то на него. Шесть маленьких серебряных точек сияли в свете лампы. Пересекая комнату, Герцог сказал:

– Я не собираюсь уезжать из города, шериф. Я вернулся в Уилер-Сити с миром и никуда не уеду. Нет, сэр, никто не заставит меня драпать отсюда! И главная причина, возможно, удивит вас. То, что я говорил на суде и над чем все смеялись, чистая правда. Я не стрелял в спину Бад Спрингеру. Да, мы поспорили. Да, мы почти схватились за пистолеты. Но до стрельбы дело не дошло. И все потому, что Бад не пожелал принять мое лекарство. Но пока мы довольно громко разговаривали, кто-то выстрелил в окно и попал в моего собеседника. Этот грязный подонок знал, что во всем обвинят меня. Я поднял Бада. Вы ведь помните, он ни в чем не обвинял меня до следующего утра?! Поэтому я на все сто уверен: ночью кто-то к нему пробрался и подкупил, а может, вынудил свалить вину на меня. А может быть, Бад сам все придумал, чтобы засадить меня за решетку и заполнить Линду...

С последними словами Герцог резко развернулся. В момент поворота тяжелый кольт скользнул в его ладонь. Том Онион сделал было движение в сторону своего оружия, но тут же понял, что уже слишком поздно, и остался сидеть неподвижно. Но не он был целью Герцога. Револьвер полыхнул огнем шесть раз подряд, причем выстрелы слились в единое стаккато, напоминающее дробь пишущей машинки.

Через секунду грохот стих, а из кухни раздались крики жены шерифа.

– Я не собираюсь уезжать из Уилер-Сити, – повторил гость. – Остаюсь здесь. А если кто-нибудь из парней, проделавших долгое путешествие, сильно хочет повстречаться со мной, скажите ему, что этой ночью я собираюсь как следует выспаться, а завтра вечером загляну на танцы в Уорнер-Спрингс. Если им так уж хочется подраться, пусть ищут меня там. Раздайте эти шесть рыболовных крючков тем, кто больше всех жаждет меня встретить.

С этими словами Герцог выпрыгнул в окно, как раз в тот момент, когда распахнулась дверь и в кабинет вбежала жена шерифа.

Глава 4

Клеймо преступника

Естественно, первые несколько секунд Тому Ониону ничего не оставалось, как успокаивать и утешать жену, убеждая, что он не получил смертельной раны от наемного убийцы. Когда же жена наконец покинула его объятия, вокруг уже собрались нетерпеливые соседи, привлеченные выстрелами.

Им-то шериф и предъявил экспонаты. Подойдя к окну, он нашел там шесть головок от рыболовных крючков, впившихся в дерево у самой кромки подоконника. Однако все части, которые ранее выступали, а именно ушко и тонкая шейка, оказались начисто срезанными. И при этом все пули, кроме одной, не задели дерева. На поверхности подоконника осталась только одна слабая царапина.

Онион не стал вынимать крючки. Вместо этого позвал своих добрых друзей засвидетельствовать увиденное. Поднятая лампа залила подоконник ярким светом.

– Все шесть выстрелов были произведены при свете лампы, – спокойно объяснил он. – И для того, чтобы выхватить кольт и выстрелить все шесть раз, ему понадобилось столько же времени, сколько понадобится хорошему стрелку для одного прицельного выстрела. Да, друзья, я вынужден признать, что Герцог разучился стрелять, раз не смог показать ничего лучшего. Вы видите, он задел дерево под одним из крючков?

Ирония шерифа была излишней. Толпа все увидела, поняла и разошлась, чтобы рассказать эту историю всем остальным. Другие услышали и пришли взглянуть на все собственными глазами. Большой Билл Громобой, когда до него дошла эта сказка, от души рассмеялся, но тоже явился посмотреть. Увидел, тихо выругался и задумчиво удалился. Приходили удостовериться также и другие. Среди них Чарли Барр и Гарри Мэтьюз, примчавшийся из Споканы, чтобы «заполучить» этого парня. Старина Минтер внимательно изучил остатки от крючков, но ничего не сказал и покинул дом шерифа в гордом молчании. Словом, очень многие не поленились встать с постелей в гостинице и совершить это торопливое паломничество.

Тишина вернулась в дом Ониона только к полуночи. Тем временем Уилер-Сити гудел. Слабый гул разговоров не затих и при погашенных лампах, то тут, то там раздавались голоса, пока не наступил рассвет, разбудивший город.

А как только город проснулся, возникли новые разговоры и появились первые веселые новости. Ужасный старик Минтер исчез из Уилер-Сити в неизвестном направлении. Гарри Мэтьюз из Споканы тоже отправился в обратный путь. Чарли Барра нигде не смогли найти, а Билл Громобой, видите ли, не смог побороть внезапного порыва снова увидеть грязные воды Рио-Гранде.

Итак, все герои исчезли! На поле битвы осталась только одинокая фигура Герцога. Сонным июльским утром он появился на улице, лениво прогуливаясь взад-вперед. И с привычной любезностью снимал шляпу перед дамами, кланялся мужчинам.

Кто же научил его таким манерам? Может быть, какой-нибудь старый мексиканский джентльмен, сохранивший не только испанское имя, но и еще кое-что? Возможно, что-то было и врожденным, о чем сам Герцог никогда не догадывался. Только что бы там ни было, но ни в самом Уилер-Сити, ни в его окрестностях пока не существовало примера подобной учтивости.

Словом, Джон Морроу шел по улице, и казалось, его ничуть не волнует, что мужчины, которых он приветствует, смотрят на него и что-то бормочут в ответ, а женщины только смотрят, но молчат.

«Они много говорили обо мне, – спокойно пояснил сам себе Герцог. – Черт бы меня побрал, если все это время они не рассказывали о моей скромной персоне различные истории. Ведь в их глазах я настоящий убийца».

Эта мысль доставила ему такое удовольствие и показалась столь уместной, что он замер на половине шага и от души рассмеялся в полной тишине. Его хохот услышал маленький мальчик, который, прицепившись к ситцевой юбке матери, шел по другой стороне улицы. Мальчик раскрыл рот от испуга. Детский страх не остался незамеченным Герцогом. Его глаза потемнели от гнева, но через мгновение улыбка снова заиграла на губах.

Он дошел до гостиницы, остановился на веранде, оглядел улицу. Никто из полудюжины прогуливающихся не встретился с ним взглядом. Тогда он решительно шагнул к двери затхлой старой комнаты, служившим холлом. Здесь тоже не оказалось каких-либо признаков всеобщего негодования, никто из мужчин не вскочил на ноги, чтобы открыть по нему огонь.

Со своей знаменитой улыбкой Герцог окинул взглядом присутствующих. Затем отвернулся, чтобы скрутить сигарету. Когда дымок закружился над его головой, неторопливо вернулся на веранду, сошел по ступеням на улицу и продолжил путь.

Все оказалось хуже, чем ему думалось. Он полагал, что, отсидев срок, искупил обиду, нанесенную обществу. Теперь же увидел, что общество склонно считать тюрьму клеймом, которое навсегда отделило его от законопослушных граждан. Ему удалось проделать очень эффектную штуку – опередить своих врагов, не дать им шанса нанести удар первыми, однако победа все равно осталась за ними.

Герцог остановился перед дверью кузницы, где работал Бад Спрингер, и шагнул через порог. Внезапно внутри возникло смятение. В задней части кузницы торопливо открылась дверь, и в проем скользнула тень, скрытая дымом от горна. Три помощника Бада стояли неподвижно, не спуская встревоженных глаз с вошедшего.

– Бад здесь? – спокойно спросил он.

Ответа не последовало. Никто не открыл рта. Только вытаращенные глаза уставились на него. Если дело доходит до подобного, то ничего хорошего не жди. Герцог продолжил прогулку, сохраняя на губах слабую улыбку, но у него на сердце появилась тяжесть. Все ополчилось против него, каждый человек, и это численное преимущество было сокрушительным.

Он шел куда глаза глядят, пока вдруг не остановился как вкопанный. Затем абсолютно неосознанно свернул с главной улицы и оказался в боковой аллее, но вскоре уже стоял прямо перед домом Мюрреев. Неподалеку миссис Дикон поливала грядку сладкого порошка и наблюдала за ним. Миссис Сет Мерфи уже выглядывала из окна своей кухни. Что же он сделает? Отступить было слишком поздно. Поэтому Герцог повернул к воротам дома Мюрреев. Взошел по ступенькам, постучал в дверь.

– Это ты, Бад? – раздался голос Линды.

Он не ответил. В доме прозвучали торопливые шаги, дверь распахнулась, и Герцог оказался перед улыбающейся девушкой. Впрочем, ее улыбка мгновенно исчезла. Линда почти захлопнула дверь, но затем снова открыла и испуганно уставилась на него. Лицо ее побледнело.

Бесспорно, сам Герцог изменился за это время, но девушка вообще стала совсем другой. Или, может, он впервые увидел ее такой, какой она всегда была на самом деле? Ведь никогда раньше ее глаза не казались ему так близко поставленными, лоб – слишком низким, а рот – чересчур широким. Конечно, три года приглушили краски юности на ее щеках. Она вроде осталась той же самой и одновременно стала какой-то совершенно иной. Конечно, это была Линда, но она уже не действовала на него как прежде. Его не поразила резкая судорога, сердце не принялось бешено колотиться. Он словно поднял розу и обнаружил, что ее аромат полностью исчез.

– Ты... Вы... Ты пришел... чтобы увидеть меня? – заикаясь, прошептала девушка.

– Если ты не слишком занята, – ответил Герцог и улыбнулся.

Линда открыла дверь пошире и вдруг заколебалась.

– Войдешь... Джон?

Наверное, она была единственным человеком в этих горах, называвшим его настоящим именем. Непривычное обращение пронзило Герцога сладкой истомой.

– Лучше останусь здесь, Линда, – произнес он. – Я просто заглянул, чтобы передать пару слов.

– От кого?

– От меня. Пришел сказать, чтобы Бад не беспокоился на мой счет. Я хотел встретиться с ним и сказать то же самое, но не нашел его в мастерской. Наверное, у него были дела где-то в другом месте.

Несмотря на все усилия, Герцог не смог сдержать улыбки, и Линда густо покраснела.

– Бад не говорил мне, что беспокоится.

– Значит, он уже имеет от тебя секреты, – рассмеялся гость и увидел, что его ирония заставила девушку поморщиться. – И наконец, я пришел пожелать счастья тебе и Баду.

После этих слов Герцог протянул руку. Линда очень медленно ответила на его рукопожатие. Он почувствовал, что девушка дрожит всем телом.

– О, Джон, – едва слышно прошептала она, – прошло столько времени, а люди говорили такое...

– Конечно. Ты же не могла ждать вечно.

– Мы были так молоды, – всхлипнула Линда.

– Теперь мы старше, и я вижу, какими мы были глупыми.

– Я... да.

В ее голосе не было ни капли радости. Только налет грусти. А может, Герцогу все это просто показалось.

Он шагнул назад, к краю веранды.

– Прощай, Линда!

– Прощай, Джон!

Пошел к воротам, обернулся и еще раз помахал своим сомбреро. Присутствие наблюдательных дам на улице заставило его улыбку засиять немного ярче, чем требовалось.

Глава 5

Прирожденный бандит

Герцог шел по улице, рассуждая примерно так. Освободиться от Линды – это как вытащить ноги из глубокого песка, когда тебе надо нестись во весь опор. Освободиться от Линды – это все равно что подняться из душной долины на прохладное горное плато. Он словно проснулся после затянувшегося сна. О, если бы можно было увидеть эту правду три года назад! Его пребывание в тюрьме было бы менее ужасным. Пусть вся радость и все счастье достанутся Баду Спрингеру.

Так незаметно он дошел до окраины городка. Окраина тоже не изменилась. Уилер-Сити был полон жизни, он здорово разросся за последние годы. Но оказалось, даже новоселы уже прослышали о Герцoge. Несомненно, его фотография украшала городскую газету уже несколько дней. Все успели ознакомиться с лицом «нехорошего человека». Вот этот приземистый темнокожий человечек полон себе спокойно огород и вдруг перестал работать, выпрямился, уставился на него неподвижным взглядом. Темнокожий явно слышал все о страшном убийце, тихий ужас заставил его глаза остекленеть. А эту полную даму Герцог раньше в глаза не видел, но она вдруг съежилась, принялась звать детей, играющих во дворе. Прижав их к себе, с ненавистью посмотрела в его сторону.

За кого они его принимают?... За страшного великана?

Да, такое поведение горожан не вызывало приятных чувств, однако... Лучше служить пугалом для женщин и детей, чем быть презираемым. Лучше быть изгоем, чем Бадом Спрингером, который предпочитает выскальзывать через заднюю дверь своей кузницы, когда опасность приближается с парадного входа. Не иначе как тут вмешалась сама судьба. Он собирался начать новую жизнь спокойного и законопослушного гражданина. Но как можно быть спокойным и законопослушным в такой убийственной атмосфере подозрения? И если они все восстали против него, то он восстанет против всех! Это будет интересное, темное и фатальное будущее, не лишнее очарования. Пройдет очень немного времени, может быть один или два дня, и раздастся взрыв. И Герцог снова окажется вне закона. В таком положении он сможет воевать несколько месяцев, может, даже несколько лет, скитаясь под проливным дождем и палящим солнцем, несчастный, одинокий, поддерживаемый только свирепой радостью войны одиночки против несметных сил общества. Затем – смерть, рано или поздно смерть в неравной схватке, в бою и в седле!

Мрачные и тем не менее волнующие мысли так завораживали, что Герцог замедлил шаг и в конце концов остановился с низко опущенной головой. И не поднимал ее до тех пор, пока не услышал громкий скрип тяжелой повозки. Из-за угла показалась первая пара длинной упряжки, затем пара за парой остальные лошади, причем кивающие головы и провисшие поводья говорили, что они не очень нагружены, а то и не нагружены вовсе.

Это был огромный фургон, способный везти двадцать тысяч фунтов по разбитым и извилистым горным дорогам. Обитые железом колеса превышали рост человека. Погонщик, восседавший на высоких козлах, управлял поводьями, которые связывали семь пар лошадей. В данный момент он изливал гнев на высокого серого жеребца в шестой паре, который должен был весить все шестнадцать сотен фунтов и который сейчас брыкался, танцевал и метался из стороны в сторону. Жеребец казался беспомощным, потому что сзади катилась огромная повозка, конь не мог шагнуть в сторону, потому что его сдерживали соседи по упряжке. Но он сражался как сумасшедший: пытался сбросить хомут и рвался вперед, словно собирался разорвать поводья в клочья. Серая кожа потемнела от пота, с нее слетали хлопья пены.

Погонщик озверел. Похоже, он давно воевал с непокорным конем. Огромный хлыст взметнулся в воздух. В руках любителя такое длинное древко и громоздкая зазубренная плеть были бы хуже, чем бесполезными, – бич просто намотался бы на шею его владельца. Но Тони Саматти не принадлежал к категории любителей. Длина древка и плети говорила о том, что он может перерубить этой плетью напополам слепня, сидящего на холке лошади, и при этом не коснуться кожи животного. Конечно, быть может, в этих словах есть доля преувеличения, но одно оставалось несомненным – своим ужасным оружием погонщик мог освежевать лошадь как острым ножом.

Сейчас он усердно работал, без ругательств, в жуткой тишине, сцепив зубы, а шелканье плети бросало в дрожь остальных лошадей. Они пригибались, обеспокоенно втягивали головы в хомуты, с ужасом ожидая своей порции огненной боли. Герцог, подняв голову, обошел ведущих, чтобы лучше рассмотреть коня, над которым совершалась экзекуция.

До этого ему удалось бросить на него только мимолетный взгляд. Теперь он мог убедиться в своей правоте. Серый жеребец едва держался на ногах от изнеможения, но продолжал битву с неиссякаемой энергией. В течение десяти минут он просто убьет себя, а этот темнолицый иностранец-погонщик, наверное, от души порадует его смерти.

Было очевидно, что только это животное выпадает из общей картины. В остальном упряжка казалась превосходно подобранной. Ведущие, мускулистые, но достаточно стройные, чтобы обеспечить скорость длинной упряжке, весили около двенадцати сотен или немного меньше. Коренники, крепко сбитые, выглядели не менее чем на полных полторы тысячи фунтов. При этом дистанция между ведущими и коренниками была тщательно выдержана. Да, действительно идеальная команда, единственным исключением в которой был стройный серый жеребец, отважно сражающийся с человеком, восставший против принуждающей силы. Что за конь! Он обладал гибкостью пантеры и, очевидно, имел тот же неукротимый нрав. Его ноги были ногами бегуна, а не тягловой лошади. Короткая голова с небольшой мордой, глубоко посаженными глазами и ровной челюстью говорили о прекрасной породе. Как его угораздило попасть в такую упряжку?

Герцог поднял руку, и Тони Саматти нажал на тормоза. Они завизжали, заскрежетали, повозка остановилась. Лошади застыли на месте, продолжая дрожать от ужаса перед плетью, которую Тони свесил с козел. Длинный хлыст теперь лежал, но короткая гибкая плетка осталась в его руке.

Высокий серый жеребец прекратил борьбу и сейчас, когда погонщик проходил мимо него, стоял, дрожа от нервного возбуждения и усталости. И вдруг совсем неожиданно последовал новый взрыв.

– Ты посмотри на этого длинноногого придурка! – начал Тони Саматти, обращаясь к незнакомцу. Серый тем временем вновь принялся танцевать и рваться из упряжи. – Двадцать лет работаю с лошадьми, но такого еще ни разу не видел. . . – Он закончил свою речь богатым набором ругательств, которые может придумать только возница большого фургона.

– Мне кажется, серый не очень-то подходит к твоей команде, приятель, – усмехнулся Герцог. – Где ты его раздобыл?

– К моей команде? Да он вообще никуда не подойдет! Чокнутый. Наверное, надо выпрячь его да пристрелить, чтобы не мучился. Не знаю. . . Я купил его у холмов. На его месте в шестой паре работал старый Майк. Такого трудяги еще никто не видывал. Но у бедняги началось нечто вроде колик, дернулся пару раз и умер буквально у меня на руках. Я стащил его с холма и остановился у ближайшего ранчо, чтобы заполнить прореху. Там живет одинокая вдова. Она показала мне кучу пони ростом мне по плечо, а затем этого серого, спокойно гулявшего на пастбище. Ее муж умер месяца два тому назад, а до этого лелеял своего любимца целых четыре года, использовал только для верховой езды. Мне показалось, он сможет немного поработать в моей упряжке, пока мы доберемся до Уилер-Сити, а затем я продал бы его. В общем, я дал

женщине сто долларов и набросил на красавца узду. Однако он прошел в упряжке только две мили, потом начался этот бесконечный танец. Ничего себе любимец! Бандит! Прирожденный бандит! Ты только посмотри на него, парень!

Герцог подошел к дикой лошади. Серый попятился назад, присел и приготовился встретить незнакомца зубами, но вдруг замер и что-то съел из протянутой ладони Джона Морроу.

– Что это там у тебя такое? – озадаченно спросил возница.

– Сахар, – ответил он и шагнул назад с загадочной улыбкой, в которой не было ни капли веселости.

– Сахар? – переспросил Саматти и замер в изумлении, потому что странный парень повернулся спиной к страшному серому жеребцу, а тот в свою очередь с вызовом посмотрел из-за его плеча на Тони Саматти. Чудеса, да и только!

– Так ты говоришь, что собирался продать этого красавца?

– Да, если получу свою цену.

– У меня есть сорок долларов, – искренне признался Герцог и вынул деньги. – Это все, что я могу дать тебе, плюс расписка или обещание, что очень скоро заплачу остальные шестьдесят.

– Расписка или обещание? – усмехнулся возница. – Я же не знаю даже твоего имени, парень.

– Меня зовут Джон Морроу.

– Джон... – начал Саматти, но вдруг открыл рот и выпучил глаза, как ребенок, увидевший вспышку света. – Герцог!

– Некоторые называют меня так.

Возница попятился, с тревогой поглядывая на кобуру у бедра собеседника. Тот едва сдержал улыбку.

– Мне кажется, твое обещание дороже золота, – тихо прошептал Тони. – Но если ты попытаешься оседлать этого коня, а он превратится в молнию и взорвется под тобой, – помни, я тебя предупреждал.

– Спасибо, – ответил Герцог. – Я запомню. А теперь – держи монету.

Глава 6

За сорок в месяц и стол

Он понимал: полученный кредит – результат внушенного им страха, а вовсе не доверия. Впрочем, все это уже не имело значения, когда огромная повозка закрипела, уезжая прочь, а серый остался – неоседланный конь с поводком.

Герцог сделал шаг назад с профессиональным интересом оглядел только что приобретенную собственность. Жалость и восхищение заставили его отдать последние деньги за эту лошадь. Однако, когда серый освободился от упряжи, владелец понял – конь превзошел все его ожидания. Жеребец казался уж слишком стройным и длинноногим на фоне приземистых рабочих тягачей, сейчас иллюзия исчезла. И как это Тони Саматти умудрился купить такое чудо за какую-то сотню долларов? Разве что потому, что серый был болезненно-худым, а его шкура немного потускнела от недоедания? Неделя хорошей кормежки – и его не узнаешь!

Несмотря на свой тигриный нрав, бедное животное послушно последовало за сахаром и добрыми словами, подтверждающими желание нового хозяина завести дружбу. Герцог шел рядом с конем через поле около часа. Сорвав охапку сухой травы, протер ему бока, после чего напоил, позволил поваляться на гальке и повел на отборное пастбище.

Уже за это время с жеребцом произошли чудесные перемены. Истерическая дрожь исчезла. Глаза посветлели, в них появилось доверие. Он начал прядать ушами, выказывая ребячливую радость, свойственную только счастливым и здоровым лошадям.

Герцог решил назвать коня Понедельником. А выбрал это имя потому, что хотел изменить свою судьбу. Понедельник всегда был для него несчастливым днем. Именно в понедельник случилась злополучная ссора с Бадом Спрингером. В следующий понедельник его арестовали. В понедельник он был водворен в тюрьму. И опять же в понедельник вернулся в Уилер-Сити, ожидая теплого приема и полного прощения, но обнаружил, что город встретил его с оружием в руках. Словом, красавец серый получил имя. Если удачу можно повернуть к себе лицом, то только таким манером.

Счастливые часы закончились. Герцог поднял голову, оторвавшись от обучения коня, и увидел скачущего по дороге ковбоя. Судя по низкорослой лошади и отсутствию тападерас, это был обитатель пустыни. Наверняка едет из далекого южного района, где выращивают пони по пояс человеку и бросают лассо длиной в тридцать шесть футов. Вокруг Уилер-Сити, где трава доходила до колен и где было множество ручьев и кустарников, люди седлали животных весом до двенадцати сотен фунтов и использовали веревку длиной в пятьдесят, а то и все шестьдесят футов. Так что всадник явно был из юго-западных краев. Его шляпа и плечи все еще оставались покрытыми серой пустынной пылью.

Герцог перестал играть с Понедельником и проводил взглядом одинокого путешественника. Да, это был мир осознанного труда. И тут он вздрогнул от неожиданной мысли. Увы, в глубине души Герцог понимал, что грешен перед обществом не из-за тяги к насилию, а из-за обычной лени.

Он натянул поводок серого и повел его назад к Уилер-Сити. Хватит, побродили по долине грез, пора вернуться в реальный мир, в мир, который приносит одни печали. Прежде всего ему предстоит найти шестьдесят долларов, чтобы окончательно расплатиться за коня. Затем надо как-то раздобыть упряжь и седло. Ну и в конце концов, достать деньги, чтобы поездить по округе и поискать работу.

Работу! Он снова вздрогнул и почувствовал комок, подступивший к горлу. Никакие долгие преследования, никакие опасности охоты, никакие острые боли от недоедания во время длинных переходов не могли сравниться с ужасом физической работы. Чтобы подумать обо

всем этом более спокойно, Герцог положил ладони на шею Понедельника и одним махом оказался на его спине. Таким вот образом, направляя коня редким натягиванием уздечки и не подгоняя его, когда тот вдруг загорался желанием ущипнуть клочок травы у обочины дороги, Герцог вернулся в Уилер-Сити.

Он так и не принял решения. Работа на прииске или на пастбище казалась одинаково непривлекательной. Более того, Джон Морроу практически ничего не знал о таких видах работы. Его золотой прииск и выгон для скота всегда умещались на столе с зеленым сукном, в падающем на него под шелест карт круге света от лампы. О, как трепетали его пальцы от одного прикосновения к колоде! И как рвалось его сердце к игрокам, с их азартными лицами! Как хотелось провести с ними долгие часы на пределе нервного напряжения. Герцог никогда не уставал во время игры. Он мог разбогатеть, играя серьезно и внимательно, и знал об этом. Но его всегда что-то удерживало, когда жертва оказывалась загнанной в угол. Какое-то неприятное чувство сожаления, малодушный приступ совести брали вверх. В результате большие ставки ему так и не доставались.

Но сменить карты на лассо пастуха! От этой мысли он просто застонал. А что еще остается? Наверное, он поступил глупо, купив серую лошадь. Скорее всего, следовало приберечь эти сорок долларов. С ними он не оказался бы теперь припертым к стене. Или, может, попытаться решить все проблемы, приставив револьвер ко лбу какого-нибудь благополучного горожанина?

Герцог помотал головой. Последняя мысль заставила его задуматься. Он знал, как тяжело избавиться от таких навязчивых идей. И знал, как легко такие мысли возвращаются, узнав однажды тропинку в человеческий мозг. Но он поклялся жить честно. Неужели придется изменить своему слову?

В Уилер-Сити он въехал в самом мрачном настроении. Соскочил с голой спины серого, привязал своего нового товарища в общественной конюшне. И едва сделал шаг, как вновь ощутил отрицательное отношение общества. Завернув за угол конюшни, Герцог наткнулся на юного Пита Мюррея, брата Линды. У Пита не было причин для враждебности. Джон Морроу никогда не причинял ему никакого вреда. Однако Пит вдруг вскрикнул и потянулся за оружием.

Брат Линды точно был бы убит, если бы его пистолет не зацепился за что-то в кобуре. При такой задержке любой стрелок среднего пошиба успел бы в него выстрелить. Мозг Герцога, работающий как молния, мгновенно отметил эту накладку, и Джон Морроу сумел остановить давление пальца на спусковой крючок. Вместо того чтобы пустить пулю в сердце неожиданного противника, он длинным и тяжелым дулом кольца ударил его по запястью. Удар парализовал мышцы правой руки нападающего, но Пит Мюррей вдруг прыгнул на своего врага и нанес ему удар левым кулаком.

Герцог достаточно быстро среагировал на это нападение. Он не хотел использовать пистолет, поэтому просто отклонил голову в сторону. Рука Мюррея пронеслась мимо его уха, а тем временем Герцог, слегка присев, тяжело врезал плечом в ребра нападающего. Еще секунда – и Пит оказался развернутым лицом к улице, с заломленными за спину руками, да так, что, соверши он еще хоть малейшее усилие, кости его предплечий были бы сломаны.

Герцог теперь находился между убийцей-неудачником и стеной конюшни. И это положение оказалось не очень выгодным, потому что около дюжины мужчин уже неслись к нему с сумасшедшей скоростью. Одни пересекали улицу, другие были еще на порядочном расстоянии, но все выхватывали пистолеты. Сильвестр, аптекарь, стоял у двери своего заведения и целился из старого ружья, ожидая появления нужного просвета. Все что-то кричали друг другу, жаждали поскорее выстрелить и покончить с Герцогом раз и навсегда.

Джон Морроу спокойно оглядел поле боя. Среди нападающих не было профессиональных стрелков. Те еще до утра покинули город, напуганные вчерашней демонстрацией искус-

ства стрельбы. Здесь собрались обычные, трезвые граждане. Но Герцог знал, что они страшнее толпы самых прославленных сорвиголов. Потому что законопослушные граждане, граждане, не стремящиеся к приключениям, если восстают, то становятся хуже тучи шершней. Их нельзя победить. Они подобны мифической Гидре – упадет одна голова, на ее месте вырастут две. Эта вооруженная дюжина, оказавшаяся на улице, далеко не все. Конечно, Герцог смог бы потягаться с таким количеством не лучших бойцов, но за ними придут новые. Их очень много в этом городе. И еще больше – в этом штате. И еще миллионы и миллионы, которых не сосчитать. Во имя закона и на основании закона, они представляли силу, с которой Морроу даже не надеялся состязаться. Он был достаточно мудр, чтобы понять это. Поэтому единственное, что он хотел сейчас показать, – это свои миролюбивые намерения.

– Пит, ты идиот! – прорычал он в ухо своего пленника. – Зачем ты прыгнул на меня?

– Кто-то сказал, что ты и Линда... – выдохнул Пит. – Я не знаю. Мне показалось, что ты хочешь отомстить кому-нибудь... ее родственнику, и... я решил, что лучше напасть самому!

– Ты видел Линду сегодня утром?

– Нет.

– Тогда найди ее. Она расскажет тебе, что у нас с ней все отлично.

– Герцог, – промычал Пит, – я был дураком. Ты же мог разнести мне голову.

– Слава Богу, что я этого не сделал. А теперь скажи этим ребятам, которые сгорают от дикого нетерпения добраться до меня, что это ты затеял драку, договорились?

Пит Мюррей повинился. Оставаясь стоять неподвижно, прикрывая победителя своим телом, он объяснил толпе, что нет никаких причин набрасываться на Герцога, это его, Пита Мюррея, ошибка, и он извиняется перед всеми за беспокойство. После этих слов Герцог отпустил мальчишку. Потом он еще секунду находился в критической ситуации, лицом к лицу с полукругом вооруженных людей, готовых к действию. Окажись в его руке пистолет в момент, когда Пит шагнул в сторону, покажи он хоть тень страха или замешательства – вне всякого сомнения, дюжина стволов грянула бы единым аккордом выстрелов.

Но Герцог спокойно прислонился к стене конюшни, сложил руки на груди и добродушно улыбнулся публике. За что заслужил лишь косые взгляды сожаления, что сегодня не получилось закончить работу, которую рано или поздно придется сделать.

Одного из присутствующих, низкорослого кривонногого мужчину, с бесцветными глазами и жидкими усами, звали Папаша Филд. Он играл на скрипке в танцевальном оркестре и ничего выдающегося не совершил с самого детства. Теперь же этот пожилой человек стоял напротив Герцога, сжимая худой рукой огромный пистолет. Сейчас он представлял силу...

– Похоже, тебе повезло на этот раз, – заявил Папаша Филд. – Но удача не всегда будет на твоей стороне. Мы не спускаем с тебя глаз, понял? Как только оступишься, мы все окажемся рядом. Наш город мирный, мы хотим, чтобы он таким и оставался. Помни это и веди себя тихо, иначе обеспечим тебе бесплатное место на кладбище.

Скрипач повернулся и зашагал прочь, а бывший заключенный не ощутил ни злобы, ни удивления. Было что-то благородное в поступке старого Папаши. Сила общественного мнения неожиданно превратила его в гиганта. Его слова имели такой же эффект, как заряженные пистолеты, приставленные к носу Герцога.

Тем временем небольшая толпа начала расходиться. Люди, выбежавшие из общественной конюшни – возможно, для того, чтобы выстрелить в Герцога сбоку, если наступит критический момент, – вернулись к своей работе. А виновник переполоха задумчиво побрел по улице.

Все получилось хуже, чем он себе представлял. Надо же, оказался возмутителем общественного спокойствия, стал врагом общества. Не удивительно, что с каждым шагом его настроение приближалось к белому калению. Взрыв назрел, когда он подошел к гостинице.

В эту минуту кто-то с веранды крикнул:

– Пока, Гафри!

Герцог обернулся и увидел мужчину, спускающегося по лестнице. А когда тот ответил крикнувшему, по его голосу окончательно убедился, что это вчерашний посетитель шерифа. Значит, ранчero остался в городе. Тут-то у Герцога и зародилась надежда, что его навыки смогут обеспечить ему хорошее место работы. Он шагнул к Гафри, едва тот сошел на землю.

– Гафри, меня зовут Джон Морроу.

Ранчero был крепко сложенным мужчиной с квадратным лицом, изборожденным морщинами. Если он улыбался, то выглядел на пятьдесят. Если же его лицо оставалось в покое, то ему можно было дать не менее шестидесяти. Он посмотрел на Герцога без особых эмоций, как человек, настолько погруженный в свои мысли и чувства, что внешние раздражители для него ничего не значат.

– Я знаю. Тебя называют Герцогом.

– Хочу поговорить с вами о деле.

– У нас не может быть никаких дел.

– Гафри, – мягко произнес Герцог, проглотив негодование, вызванное резким ответом. – Я был в кабинете шерифа прошлым вечером. Слышал весь ваш разговор. И понял: вам сейчас очень нужен телохранитель. Я прав?

Хозяин ранчо в недоумении уставился на собеседника.

– Мне надо избавиться от этого вонючего убийцы, бродящего в Черных Холмах, – проговорил он заинтересованно. – Охранник? Я никогда не думал об этом.

– Так подумайте. Мне нужна работа.

– Тебе? Работа?

– Я собираюсь стать нормальным человеком, Гафри. Хочу работать. Но не умею обращаться с коровами, не имею ни малейшего понятия о добыче золота. Все, что умею делать, – это играть в карты и... драться. – Герцог грустно улыбнулся. – Отбросим в сторону карты, и останется единственное искусство, которым я владею. Гафри, я могу вам пригодиться.

Владелец ранчо так озадаченно посмотрел на парня-великана, словно рассматривал предложение превратить гнездо гремучих змей в коммерческое предприятие.

– Я не боюсь моих пастухов, – сказал он наконец и усмехнулся.

– Вам не надо никого страховать.

– То есть ты согласен преследовать того убийцу вместе со мной?

– Я сделаю это.

– Ты можешь управляться с собаками?

– Какой породы?

– Свора псов, которых используют для охоты на львов и медведей, плюс немного ищеек.

– Я могу обращаться с собаками, – заверил Герцог, молясь про себя, чтобы удача позволила ему скрыть этот блеф.

– Какую же ты хочешь плату за свою работу?

– Обычную для пастуха. Это все.

Гафри удивленно поднял брови:

– Сорок баксов и стол?

– Пойдет, – согласился Герцог, немного покривившись, и добавил: – Пойдет, если получу аванс за три месяца.

– Хм?

– Мне надо заплатить за лошадь.

Владелец ранчо заколебался. Доверить бывшему преступнику аванс за три месяца? Да, на такое не решился бы самый добрый и доверчивый гражданин.

Гафри не был ни тем ни другим, но в конце концов он кивнул:

– Когда ты выйдешь на работу?

– Завтра, – ответил Герцог, помня об обещании появиться на танцах сегодня вечером. –
Завтра утром, Гафри.
Ранчero пожал плечами.
– Пошли в гостиницу, – предложил он. – Подпишем контракт.

Глава 7

Гнев и ярость

Половина аванса за три месяца сразу же отправилась в карман Тони Саматти как окончательный расчет за Понедельника. Еще одна порция денег предназначалась для покупки седла, естественно подержанного, и всей необходимой упряжи. Когда Герцог вскочил на спину своего коня, чтобы отправиться в Уорнер-Спрингс на танцы, его наличность приблизилась к весьма опасному пределу.

И все же у него было нечто большее, чем деньги. Долгие часы отдыха, отборное зерно, ласковые ладони Герцога и его мягкий голос превратили Понедельника в новое существо. Пустив коня в легкий галоп по главной улице города, Герцог ощутил себя плывущим на лодке в открытом море. Покачивание на спине серого просто не шло ни в какое сравнение с тряской, как в кресле-качалке, на обычном ковбойском пони. Сейчас под Герцогом шел настоящий бегун, рвущийся набрать настоящую скорость. Счастливому хозяину захотелось запеть от радости.

Он направил коня в сторону от главной улицы. До поры до времени не стоит показывать жителям Уилер-Сити все доблести Понедельника. Может быть, колесо фортуны опять повернется в другую сторону, придется спасаться бегством от преследования. Вот тогда он приятно всех удивит!

Герцог довольно быстро выбрался из города, взобрался на первый холм за его границей и встретился лицом к лицу с ветром. Еще одно испытание для коня. И тот встретил его как герой. После заката солнца ветер перерос в полуураган. Резкие порывы швыряли в лицо жальщие иглы холодных дождевых капель, и седоку пришлось натянуть плащ. А жеребец продолжал идти ровным галопом, преодолевая милю за милей, не снижая темпа. В конце концов на полпути к Уорнер-Спрингс Герцог остановил коня и, наклонясь в седле, прислушался к его дыханию. Никаких хрипов! Понедельник остался свеж как маргаритка и был буквально поглощен скоростью. И это после утра, проведенного в команде Тони Саматти!

Для Герцога такое открытие было равно обретению крыльев. Он стал свободным, он мог управлять скоростью. И в войне против общества, которую он пока отложил до лучших времен, но которая, по его мнению, была неизбежна в ближайшем будущем, Понедельник будет лучшим союзником, чем армия людей, поклявшихся умереть ради него.

Герцог снова тронулся в путь, теперь уже не спеша. В танцевальный зал он всегда успеет. Принимая во внимание тот прием, который его ожидает, не стоит торопиться к началу. Его встретят холодно и враждебно. Интересно, а как насчет женщин? Вне всякого сомнения, никто не может обвинить его в жестоком или нелюбезном отношении к молодым и престарелым особам женского пола. До того как попасть в тюрьму, он пользовался у них определенной популярностью. Ведь о нем слагали фантастические рассказы, содержащие изрядную долю правды, которые прибавляли к его имени немало остроты, вызывающей по крайней мере любопытство. Кроме того, с самого раннего детства его любовь к танцам уступала только любви к драке. Он никогда не обращал внимания на хмурые взгляды мужчин, когда выбирал самую милую и грациозную девушку себе в партнерши.

Что же будет теперь, после возвращения из тюрьмы? Он стал меченым в глазах всех мужчин. А женщины? Герцог пожал плечами и, рассмеявшись, прогнал сомнения. Если со здешними молодыми людьми не произошло ничего сверхъестественного, вряд ли кто из них сможет сравниться с ним в танцах. Но даже если это сверхъестественное и случилось, все равно ни у кого не может быть такого чувства равновесия, такой гибкости и такого достоинства. Если же Герцог не сможет найти партнерши для танцев, значит, он очень сильно ошибается!

Герцог смело подъехал к навесу, где были привязаны лошади, потому что дождь продолжал усиливаться. Затем направился в павильон. Помещение для танцев построили из дерева, но по форме оно напоминало большую палатку с подвижными стенами, которые поднимали в жару и опускали в плохую погоду, такую, как сейчас. Внутри гремела музыка и как-то особо выделялось медное уханье тромбона. Прислушавшись, Герцог различил резкие звуки кларнета, глухие стоны фортепиано, удары барабана и отчаянный плач скрипки – похоже, бедный Папаша Филд старался изо всех сил, пытаясь перекрыть рев всего оркестра. Мысль о Папаше Филде и о резких словах этого маленького человечка заставила Джона Морроу остановиться. Он нахмурился, еще раз передернул плечами и продолжил путь. Но за парадной дверью снова остановился и осмотрел маленький холл, в котором оказался. Около десятка мужчин курили, две или три девушки, похоже только что прибывшие, снимали пледы, вокруг толпились их приятели. Шум голосов в холле почти заглушал музыку, доносившуюся из зала. Но едва Герцог вошел, снял плащ и ударил сапог о сапог, отряхивая их, голоса стихли. Остались только музыка и шорох ног танцующих.

Он огляделся. Нет, здесь не было незнакомых. Пятерых из присутствующих Джон знал достаточно хорошо. Он поговорил с каждым по очереди, изображая на лице самую обаятельную улыбку. Те, к кому он обращался, отвечали ему, но весьма холодно. Что же касается девушек, то они, очевидно, его просто не заметили. Поправить платье, пригладить прическу, пошептаться друг с другом – разве можно найти более увлекательное занятие? Девушки прошли мимо него и направились в зал в сопровождении своих спутников.

Герцогу показалось, что на лицах стоящих вокруг молодых людей появилась едва заметная улыбка удовлетворения. Они дружно и жадно принялись курить, демонстрируя всем своим видом, что ничем иным не интересуются. Нельзя было сказать, что их улыбки предназначались именно Герцогу. Но он прекрасно понимал значение взглядов, которыми они обменивались. Холодный прием девушек вызвал искренний восторг в сердцах этих деревенских парней. О, если бы можно было сбежать отсюда! Увы, он сам обрек себя на это тяжелое испытание и не хотел, чтобы в трех графствах начали рассказывать историю его позорного провала. При мысли о позоре Герцог побледнел. Слава Богу, что у него нет семьи, которой могло бы стать за него стыдно.

Он шагнул к двери. Навстречу ему вышла голубоглазая Жанетта Миллер, как всегда переполненная смехом и болтовней, но при этом умеющая превосходно танцевать. Она ничуть не изменилась, даже помолодела. Герцог кивнул ей и улыбнулся. Однако Жанетта прошествовала мимо, не удостоив его ни словом, ни приветом.

Нет, она не могла не увидеть его! Их взгляды столкнулись, это было так же несомненно, как рукопожатие. Но она ушла, продолжая смеяться и болтать с большим, тяжеловесным Холлом Джексоном, своим приятелем.

Итак, второй удар. Конечно же он встретил его, как всегда, достойно. Немного откинул голову и улыбнулся своей знаменитой улыбкой. Ну и что? Его белое лицо стало призрачно-бледным, еще блее, чем было до этого. А сзади, похоже, раздался приглушенный смех? Да. Парни, курившие в холле, не упустили ничего.

И все же такого не могло быть! Хорошо, вот еще одна проверка. В дверях появилась огненно-рыжая прическа радушной и доброй Рут Бойер. Они танцевали вместе тысячу раз. Тысячу раз смеялись и разговаривали. Она была для него лучшим другом, настоящим другом. В танцах они были неразлучной парой.

Рут тоже прошла мимо. Музыка кончилась. Пары остановились, начали расходиться. На этот раз никто не захопал, выпрашивая повторения. Странно. Но не менее странным было то, что все взоры устремились прямо на Герцога.

Он подошел и заговорил с Рут Бойер, но она ничем не показала, что слышит его слова. Девушка спокойно и осторожно смотрела сквозь него. Затем повернулась и продолжила беседу со своим приятелем.

Этого было достаточно. Герцог рванулся назад к двери, сердце его сжалось от стыда. Оглядел бездельничающих мужчин. От этого на их лицах исчезли даже малейшие признаки улыбок. Слава Богу, нервы его не сдали в этот жестокий момент. Никто не догадывался, чего ему стоило сохранить самообладание. О, если бы что-нибудь оказалось под рукой! То, что можно схватить, сломать, разбить! Нет, он должен терпеть и улыбаться – улыбаться! – когда так хочется выхватить пистолет и затеять хорошую драку!

Герцог отвернулся от двери, но что-то ведь надо было делать! Что? Войти в танцевальный зал, увешанный гирляндами флагов и лент, переплетающихся под потолком, нельзя – он не может встретиться с ярким светом, этими лицами и многозначительным шепотом.

Пришлось вернуться в холл. Джон Морроу прошел в его дальний конец, скрутил сигарку и начал прогуливаться взад-вперед. Мужчины, стоявшие неподалеку, приглушенно, но восторженно посмеивались – похоже, сверх всякой меры праздновали победу. Презрение, которым две девушки окатили вчерашнего заключенного, они восприняли как полный его крах. Подойти бы да взять их за горло!..

Он вдруг оказался перед лестницей и начал подниматься по ступеням, не зная, куда они ведут. Только на самом верху опомнился. Вдоль стены шла галерея для зрителей, которой никто не пользовался, потому что на Западе в танцевальных залах не бывает просто сидящих и наблюдающих – все собираются на первом этаже. Галерея напоминала пыльный, пустынный чердак, который освещал только один тусклый фонарь, подвешенный в углу, а скорее даже не освещал, а наполнял помещение тенями. Теперь, скрытый милосердной темнотой, Герцог смог перегнуться через перила и посмотреть вниз.

Слух о его провале, естественно, распространился. По галерее, на которой он скрылся, рыскали любопытные взгляды. Ребята из холла, судя по всему, не теряли зря времени – рассказали о его позорном бегстве. Теперь почти все находящиеся в танцевальном зале смеялись. Их веселью не было предела. Ведь смеялись над Джоном Морроу – над самим Герцогом!

Он закрыл глаза и покачнулся, пьяный от гнева и стыда. Потом воздел руки к небу и дал себе страшную клятву – за все это отомстить. И в ту же секунду в углу балкона что-то зашевелилось.

Это уж слишком! Наверняка какой-нибудь свидетель его мучений решил нанести рану побольней. Не размышляя, Герцог бросился к предполагаемому наглецу. Действительно, здесь кто-то стоял, в блестящем плаще, и пытался открыть дверь. Герцог вспомнил о существовании еще одной лестницы, ведущей на галерею. Но почему этот кто-то решил уйти по очень опасным старым ступеням? Да и дверь, похоже, разбухла от дождя. Если раньше она довольно легко открывалась и закрывалась, то теперь это сделать было непросто.

– Что-то не так? – поинтересовался Герцог.

Человек в плаще удвоил усилия, пытаясь справиться с дверью.

– Ничего! – раздался ответный шепот.

Женский голос! Герцог остановился как вкопанный. Даже сейчас он должен быть любезным.

– Может, разрешите вам помочь?

– Пожалуйста!

Она метнулась в сторону, как только он сделал шаг. Ну и стервы же эти девушки! Если им не удастся открыто оскорбить его в присутствии своих парней, то они начинают шарахаться от него, как от насильника. Это было верхом унижения. Герцог схватил ручку двери с единственным желанием – разломать ее на кусочки. Но дверь легко подалась. Он повернулся к девушке.

Она что-то пробормотала, видимо слова благодарности, и скользнула к открывшемуся проему. И тут Герцог не выдержал. В порыве гнева он преградил ей путь.

Глава 8

Салли Смит

– Леди, прошу прощения, что задерживаю вас, – произнес он, – но, черт возьми, мне совершенно непонятно, почему вы меня боитесь?

Она отпрянула от руки, перекрывшей ей проход. Из-за резкого движения полы плаща распахнулись, и Герцог увидел сияние воздушного платья. Полумрак галереи не помешал ему разглядеть розовый сатин, яркий, словно отражение солнца на воде. Затем он перевел взгляд на стройные ноги. Девушка подняла голову, тень от огромного сомбреро больше не скрывала ее лица, но из-за темноты он его почти не видел.

– Ничего я не испугалась, – презрительно пояснила она. – Я не боюсь ни вас, ни кого-либо еще.

– О-о! – Неожиданно для себя Герцог улыбнулся. – Тогда это кое-что меняет. Но минуту назад мне показалось, что вы довольно-таки быстро пробирались по галерее, чтобы избавиться от меня.

– Выбиралась наружу, – последовало объяснение. – И это не значит, что я вас боюсь.

– Тем более, что для этого нет причин. Пока... – добавил он, так как в голову ему вдруг пришла дерзкая мысль. – Пока вы не узнали меня, леди!

– Еще не имела удовольствия, – сказала девушка более спокойным голосом. – Но, полагаю, мне это скоро предстоит.

– Меня зовут Джон Морроу, – сообщил он гордо. – Но некоторым людям я больше известен под именем Герцог.

Несколько долгих секунд царило молчание.

– А меня зовут Сальвина Гертруда Смит, – представилась наконец и она, – но некоторым людям я больше известна под именем Салли.

Они дружно рассмеялись. Герцог был просто сражен. Он и представить себе не мог, что в этом краю, окруженном горами, найдется хоть одно человеческое существо, которое не слышало бы его имени или хотя бы прозвища. Какое же наслаждение не чувствовать на себе тяжелых цепей репутации! Машинально Герцог прикрыл дверь.

– Разве я сказала, что хочу остаться здесь? – спросила Салли Смит.

– Лестница не совсем надежна.

– Она даже не скрипнула, когда я поднялась наверх.

– Должно быть, ветер помешал вам услышать скрип. Это самая коварная лестница в здешних краях. Наверное, вы не местная, раз не знаете о ней.

– Не местная, – подтвердила Салли.

– И поэтому мы преспокойно сидим наверху и слушаем музыку? – спросил Герцог. – Все же что заставило вас взобраться сюда?

Она замялась:

– Хотела прежде взглянуть на все, что там, в зале, происходит.

– Неплохая мысль! – прокомментировал он, всей душой желая и думать так же.

Он изо всех сил вглядывался в черты лица, блевшего перед ним. Тьма сводила с ума. Словно чьи-то черные руки отталкивали его от тайны, которую ему так хотелось открыть. И все же Герцог догадывался – девушка очень хорошенькая. Глаза как два больших омута. Когда она повернула голову, удалось разглядеть ее вздернутый носик, подбородок и щеки, будто высеченные из мрамора.

Облокотившись на перила, она смотрела на танцующую толпу. Герцог увидел пухлые губки, приоткрытые от возбуждения и любопытства. Впрочем, ему и самому страстно хотелось

оказаться среди танцующих, двигаться в такт музыке. Он встал рядом с Салли, тоже глянул вниз. Пары кружились в вальсе. Все девушки в основном были в простых легких платьях, мужчины – в самых разных нарядах. Многие пришли сюда прямо с полей, разве что отмыв руки и лицо. Несколько ковбоев из покрытой кустарником долины у подножия гор гордо демонстрировали свои ссадины. Кто-то был в сапогах для верховой езды, правда начищенных до невероятного блеска, кто-то – в штанах, растрепавшихся на щиколотках, но все-таки большинство – при галстуках, в традиционных костюмах из лавки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.